

Рудич В.В.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖАНА РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫН
КОНСТИТУЦИЯСЫНЫН 57 ЖАНА 51-БЕРЕНЕЛЕРИН ТАЛДОО:
ЭЛ АРАЛЫК УКУК МЕНЕН КАТЫШЫ**

Рудич В.В.

**АНАЛИЗ СТАТЬИ 57 И 51 КОНСТИТУЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ**

V. Rudich

**ANALYSIS OF ARTICLES 57 AND 51 OF THE CONSTITUTION
OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION:
CORRELATION WITH INTERNATIONAL LAW**

УДК: 343.1

Автор Кыргыз Республикасынын Конституциясынын 5-бөлүмүнүн 57-беренесинин Россия Федерациясынын Конституциясынын 1-бөлүмүнүн 51-беренесинин катышын терең талдоого алган. Көрсөтүлгөн конституциялык жоболордун иш жүзүндө Кыргызстан менен Россиянын сот өндүрүшүндө колдонулушунун өзгөчөлүгү каралган. Автор канчалык деңгээлде эки өлкөнүн Конституциясындагы 5-бөлүмүнүн 57-беренесинин жана 1-бөлүмүнүн 51-беренесинин маанилери эл аралык стандарттарга дал келерин талдап чыккан. Макалада Конституциялардын 5-бөлүмүнүн 57-беренесинин жана 1-бөлүмүнүн 51-беренесинин айырмачылыгы көрсөтүлүп, тыянак чыгарылып, аталган укуктук нормалар улуттук мыйзам чыгаруучулук феномен катары каралган. Автор дагы бир маселеге көңүл буруп, жогоруда көрсөтүлгөн конституциялык нормаларга ылайык, шектүүлөрдү, күнөөкөрлөрдү, алдын ала тергөө учурунда, сот өндүрүшүндө Кыргызстанда да, Россияда да тескери таасирин тийгизиши мүмкүн болгон жагдайларга, зарыл болгон учурда, алдын ала тергөө, сот өндүрүшү жараянында шектүүлөр жана күнөөкөрлөр Кыргыз Республикасынын Конституциясындагы 5-бөлүмдүн 57-беренесиндеги жана Россия Федерациясынын Конституциясындагы 1-бөлүмдүн 51-беренесиндеги укуктук норманы пайдалануусуна кеңири токтолгон. Макалада жогоруда көрсөтүлгөн конституциялык нормалардын, кылмыш ишин тергөө, сот өндүрүшүн жүргүзүү жараянында практикалык колдонуу боюнча иштиктүү сунуштар жана кандай учурларда шектүүлөрдү, күнөөкөрлөрдү коргоо мезгилинде далилдөөнү негиздүү түзүү, кандай учурда каталык кетирбөө керектиги кеңири берилген. Автор Кыргыз Республикасынын Конституциясындагы 5-бөлүмдүн 57-беренесиндеги жана Россия Федерациясынын Конституциясындагы 1-бөлүмдүн 51-беренесиндеги нормаларга ылайык, өзүнө жана өз жакындарына каршы күбөлүк кылбоо укугун колдонуу жана жактар күнөө коюну, ошондой эле далилдүү негиздер менен коргоо тарабы колдонуусу мүмкүн экендигин баса белгилейт.

Негизги сөздөр: Конституция, Кыргыз Республикасы, Россия Федерациясы, далил, катышуучулар, тергөөчү, айыптоочу далилдер.

Автор проводит анализ соотношения части 5 ст. 57 Конституции Кыргызской Республики и части 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации с нормами международного права. Рассматривает особенности практического применения указанных конституционных положений в уголовном судопроизводстве Кыргызстана и России. Ставит вопрос о том,

насколько действительно юридическая конструкция нормы ч.5 ст.57 Конституции Кыргызской Республики и ч.1 ст. 51 Конституции Российской Федерации соответствует международному стандарту. Указываются причины имеющегося различия, делается вывод о том, что норма ч.5 ст.57 Конституции Кыргызской Республики и норма ч.1 ст.51 Конституции Российской Федерации – это феномен национальных законодательств. Автор рассматривает вопрос о возможности возникновения негативных последствий при условии, что подозреваемый, обвиняемый на предварительном следствии в рамках уголовного судопроизводства проводимого в Кыргызстане или России пользуется правом, предоставленным ему ч. 5 ст. 57 Конституции КР или ч.1 ст. 51 Конституции РФ, в виде факта появления обвинительного доказательства, который сложно будет опровергнуть в суде. Даются практические рекомендации, в каком случае, возможно, воспользоваться правом, предоставленным ч.5 ст. 57 Конституции КР или ч.1 ст.51 Конституции РФ, в рамках проводимого уголовного судопроизводства и в каком случае её применение может привести к неоправимым ошибкам для стороны защиты в вопросе формирования доказательств. Автор делает выводы о том, что право не свидетельствовать против себя и своих близких, предоставленное ч.5 ст.57 Конституции КР или ч.1 ст. 51 Конституции РФ, указывает, что доводы и доказательства стороны обвинения могут быть опровергнуты только такими же доводами и доказательствами стороны защиты.

Ключевые слова: Конституция, Кыргызская Республика, Российская Федерация, доказательство, участники, дознаватель, следователь, обвинительные доказательства.

We analyze the ratio of part 5 of Art. 57 of the Constitution of the Kyrgyzstan and part 1 of Art. 51 of the Constitution of the Russia with the norms of international law. Consider the features of the practical application of these constitutional provisions in the criminal proceedings of both countries. Raises the question of how valid the legal construction of the norm of Part 5 of Art. 57 of the Constitution of the Kyrgyzstan and Part 1 of Art. 51 of the Constitution of the Russia correspond to the international standard. The reasons for the existing difference are indicated, concluded that the norm of part 5 of article 57 of the Constitution of the Kyrgyzstan and the norm of part 1 of article 51 of the Constitution of the Russia is a phenomenon of national legislation. We consider the issue of the possibility of negative consequences, provided that the suspect, the accused at the preliminary investigation in the framework of criminal proceedings conducted in Kyrgyzstan or Russia, enjoys the right granted to him by Part 5 of Art. 57 of the Constitution of the Kyrgyzstan or part 1 of Art. 51 of the Constitution of the Russia, in

the form of the fact of the appearance of accusatory evidence, which will be difficult to refute in court. Practical recommendations are given, within the framework of ongoing criminal proceedings and in which case its application can lead to irreparable errors for the defense in the formation of evidence.

Key words: Constitution, Kyrgyz Republic, Russian Federation, evidence, participants, investigator, investigator, accusatory evidence.

В настоящей статье мы проведём анализ юридической конструкции ч. 5 ст. 57 Конституции Кыргызской Республики и ч. 1 статьи 51 Конституции Российской Федерации и сделаем выводы о реальностях её практического применения. Полагаем, что наша попытка взглянуть на обозначенный вопрос используя авторский подход, позволяющий соединить нормативное содержание ч. 5 ст. 57 Конституции КР, ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, нормативное содержание ряда норм международных законодательных актов, а также научные суждения и практику, будет весьма полезной как для расширения теоретических познаний, так и для практического применения. Особенно данные знания будут полезны в тех случаях, когда свидетель, подозреваемый, обвиняемый или подсудимый принимает решение воспользоваться правом и не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Начнём с того, что внимательно изучим нормы ч.5 ст.57 Конституции КР и ч.1 ст. 51 Конституции РФ. Приведём их дословно:

Часть 5 ст.57 Конституции КР «Никто не обязан свидетельствовать и давать показания против самого себя, супруга(и) и близких родственников, круг которых определяется законом» [1];

Часть 1 ст. 51 Конституции РФ «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» [2].

Сопоставляя данные нормы, можно сказать о том, что они практически идентичны, а смысловое содержание указанных норм направлено на защиту интересов лица, которое решит воспользоваться правом, предоставляемым ему данными Конституционными положениями.

О праве не свидетельствовать против себя самого и своих близких, как о стандарте международного права указывают и в научных публикациях [3, с. 53-56] [4, с. 51-69]. Учитывая отмеченные научные суждения, полагаем, что высказываемое в научной литературе мнение о том, что право не свидетельствовать против самого себя и своих близких соответствует стандарту международного права и его следует распространять не только на норму изложенную в Конституции РФ, но и на норму указанную в Конституции КР, исходя из их идентичности. Такой вывод, основываясь, как мы уже указали на идентичности этих норм, вполне логичен. Но насколько в действи-

тельности юридическая конструкция ч.1 ст.51 Конституции РФ и ч. 5 ст. 57 Конституции КР соответствуют стандарту международного права? Полагаю, что по данному вопросу необходимо внести уточнение. Для этого мы рассмотрим юридические конструкции ряда норм общепризнанных международных актов и сравним их с юридической конструкцией исследуемых нами конституционных положений Кыргызстана и России.

Детальное изучение данных конституционных норм позволяет нам прийти к выводу, что такой нормы нет во Всеобщей декларации прав человека [5].

Нет такой нормы и в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6].

В Международном акте о гражданских и политических правах в подп. «g» п. 3 ст. 14 содержится норма, которой запрещается **принуждение** к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным [7], но это совершенно иная юридическая конструкция, нежели та, которая содержится в ч. 5 ст. 57 Конституции КР и ч.1 ст.51 Конституции РФ.

Следует так же добавить, что фраза *никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется законом (федеральным законом)*, не равнозначна фразе, *не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным*. Равно как и неравнозначна фразе, *отказаться давать показания вообще, как многие считают, пользуясь правом, предоставленным ч.5 ст. 57 Конституции КР или ч.1 ст. 51 Конституции РФ. Поскольку согласно юридической конструкции ч. 5 ст. 57 или ч. 1 ст. 51 в рамках одного следственного действия – одного допроса по одним вопросам следователя, лицо может дать пояснения, а по другим воспользоваться правом, не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (Выделено мной В.Р.)*.

Объяснение такого различия в юридических конструкциях нормы ч.5 ст.57 Конституции КР, нормы ч.1 ст. 51 Конституции РФ и нормы, содержащейся в подп. «g» п. 3 ст. 14 Международного акта о гражданских и политических правах, связано с историей происхождения данной нормы. Дело в том, что право не свидетельствовать против себя самого пришло к нам ещё из средних веков, в результате противодействия общества пыткам, применяемым со стороны инквизиции. Что в итоге и привело к формированию в английском общем праве доктрины, согласно которой человек вправе отказаться свидетельствовать против себя, так как «нельзя превращать человека в орудие своего собственного осуждения» [8].

В то же время следует сказать, что в указанной доктрине содержится позиция, смысл и речь, в которой идёт всё-таки о признательных показаниях или о

самооговоре, полученных под принуждением (пытками или иным давлением), но не о добровольном праве не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников. Именно поэтому в Международном пакте о гражданских и политических правах в подп. "g" п. 3 ст. 14 и содержится норма, которой запрещается принуждение к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным [7]. Именно такой подход в понимании указанной нормы полностью находит своё подтверждение и в практике ЕСПЧ [9, с. 9-12] [10, с. 53-57].

Но, как отмечалось выше, это несколько иная юридическая конструкция нормы, нежели та, которая содержится в ч. 5 ст. 57 Конституции КР и ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, где речь идёт о добровольном праве не свидетельствовать против себя и своих близких. Дело в том, что конституционные положения ч.5 ст.57 Конституции КР и ч. 1 ст. 51 Конституции РФ хотя и ориентированы на обще признанные нормы международного права но их юридические конструкции формировались в не контекста противостояния инквизиционным допросам и пыткам – неотъемлемой части инквизиции и инквизиционных судов (*Подобный способ инквизиционного расследования с применением жестоких пыток, являясь проявлением фанатизма и глупости, привел к массовому убийству невинных людей. Такое массовое уничтожение человеческих жизней нашло весьма специфическое объяснение у наших современников. Как выразился Папа Иоанн Павел II (Кароль Юзеф Войтыла), инквизиция полагала, что: «истина ярче воссияет в свете костров!»*). Цит. по: Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. С. 222).

Усиливающаяся борьба общества против пыток и эпоха просвещения, затронувшая целый ряд Европейских государств, повлияли не только на эволюционные процессы в вопросе исполнения наказания, устранив «театрализованные» публичные казни, [11] но и позволили сформироваться правилам, запрещающим пытки. Однако, в России данные процессы не имели явные и характерные черты борьбы общества с инквизицией, хотя инквизиционные процессы и церковные тюрьмы на Руси были [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19]. Смею высказать собственное суждение, что одним из основных препятствий роста общественного противления инквизиции было крепостное право, которое, как известно, просуществовало на Руси до 1861 года [20] [21]. Последующие события 1917 года повлекшие изменения политического строя и в итоге образование Союза Советских Социалистических Республик способствовали формированию правовых норм на основе коммунистических воззрений и коммунистической идеологии. Учитывая, что и Россия, и Кыргызстан до 1991 года были частью единого государства, соответственно и законодательные акты их

были едиными. После 1991 года законодательства наших государств формировались на основе общепринятых ценностей самостоятельных государств Кыргызстана и России. Однако в основных законодательных актах наших государств отчасти сохранилась единая юридическая конструкция целого ряда норм. Конституционные положения ч. 5 ст. 57 Конституции Кыргызской Республики и ч. 1 ст. 51 Конституции России не стали исключением.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что норма ч. 5 ст. 57 Конституции Кыргызстана и норма ч. 1 ст. 51 Конституции РФ – это феномен национального права наших государств. Данные нормы имеют существенное отличие в юридической конструкции от нормы указанной в подп. "g" п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, что уже отмечалось выше.

В тоже время, следует отметить, что юридическая конструкция нормы ч.1 ст.51 Конституции РФ вызывает неоднозначную реакцию в научном мире среди отечественных учёных, а некоторые учёные открыто высказывают критику в отношении свидетельского иммунитета, закреплённого ст.51 Конституции РФ. Так Д.Б. Чернышев отмечает, что «объектом правовой охраны свидетельского иммунитета являются субъективные интересы: желание виновного лица избежать ответственности за совершенное преступление, а также желание свидетеля помочь ему в этом... указанные интересы незаконны, так как противоречат целям правосудия и не должны охраняться законом» [4, с. 51-60]. Исходя из идентичности юридической конструкции ч.1 ст.51 Конституции РФ с ч.5 ст.57 Конституции КР, логично предположить, что и в отношении нормы ч.5 ст.57 Конституции КР могут возникать схожие суждения.

Однако полагаю, что в целом с суждением Д.Б. Чернышева сложно согласиться, потому что:

- во-первых, действительно следует исходить из того, что нельзя превращать человека в орудие своего собственного осуждения;
- во-вторых, дело в том, что реализация права не свидетельствовать против себя или своих близких не всегда может оказаться благостным способом защиты.

В связи с чем, допрашиваемому лицу (подозреваемому или обвиняемому) всегда надо понимать, в каких случаях оно может воспользоваться правом, предоставленным ему, не свидетельствовать против себя, себе во благо. И в каких случаях использование права, предоставленного нормой ч.1 ст.51 Конституции РФ, или ч.5 ст.57 Конституции КР может, наоборот, привести к отрицательному эффекту, для самого подозреваемого или обвиняемого лица.

Чтобы убедиться в правоте высказанного мною суждения, рассмотрим реализацию права, установ-

ленного нормой ч.1 ст. 51 Конституции РФ и ч.5 ст. 57 Конституции КР с позиции практики, на примере проведения такого следственного действия как очная ставка предусмотренного ст. 192 УПК РФ [22] и ст. 204 УПК КР [23].

Сразу отметим, что согласно ст. 192 УПК РФ и ст.204 УПК КР очная ставка проводится между лицами, которые были ранее допрошены и в их показаниях есть противоречия. Но при этом ни норма УПК РФ и норма УПК КР ничего не говорит о процессуальном статусе этих лиц, что даёт основания полагать о законности проведения очной ставки не только между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым), но и между свидетелем стороны обвинения и обвиняемым (подозреваемым), а равно и между свидетелями (*Такие очные ставки проводятся регулярно и стали практически нормой в СУ СК РФ по Свердловской области*).

Одновременно с этим следует отметить и то, как сегодня в реальности может проходить очная ставка. В соответствии с нормой ст. 192 УПК РФ и ст. 204 УПК КР должны устраняться некие, имеющиеся в показаниях, противоречия. Но для проведения очной ставки мало желания одного следователя, надо, чтобы ещё и участники очной ставки желали и давали показания. Вот важный ключевой момент – желали и давали.

А теперь представим себе ситуацию, когда лица были допрошены в качестве свидетелей, а потом у одного из них меняется процессуальный статус - он становится подозреваемым или обвиняемым, и решает в этом статусе воспользоваться правом, предоставленным ч.1 ст. 51 Конституции РФ или ч.5 ст.57 Конституции КР в случае если следственные действия происходят в Кыргызской Республики. Юридически препятствий для проведения очной ставки нет, показания данные ранее имеются, изменения процессуального статуса у одного из допрашиваемых препятствием для проведения очной ставки не будет. Аналогично может произойти ситуация, когда лицо дало показания, будучи подозреваемым, а в качестве обвиняемого воспользовалось правом, предоставленным ч.1 ст. 51 Конституции РФ или, если события происходят в Кыргызской Республике, ч. 5 ст. 57 Конституции КР. Что же получится при проведении очной ставки в этом случае?

На этот вопрос в полной мере дал ответ С.П. Желтобрюхов. Он отмечает, что проведение очной ставки, в которой один из участников допроса воспользовался правом, предоставленным ему ч.1 ст. 51 Конституции РФ, превращает очную ставку в допрос одного лица, в котором, помимо следователя, участвует отказавшийся от дачи показаний подозреваемый (обвиняемый), а так же его защитник [24, с. 50-51] [25, с. 37-40]. Аналогичный вывод можно сделать и для

проведения такой очной ставки в Республики Кыргызстан опираясь на ст. 204 УПК КР и ч.5 ст.57 Конституции КР.

Следует согласиться с мнением С.П. Желтобрюхова, что это уже иное, нежели очная ставка, следственное действие, не предусмотренное законом, но получившее широкое распространение в Российской следственной практике, а потому, как вполне обоснованно отмечает указанный автор, требующее отдельного законодательного закрепления [26, с. 26-29] [27, с. 31-33, 28, с. 56].

В итоге такого следственного действия рождается протокол очной ставки, в котором, в том числе, как правило, указываются факты и обстоятельства, избобличающие подозреваемого, обвиняемого. При этом сам подозреваемый, обвиняемый, поскольку воспользовался правом, предоставленным ему ч.1 ст. 51 Конституции РФ, либо ч. 5 ст. 57 Конституции КР если вести речь об аналогичных событиях в Республике Кыргызстан, никаких пояснений, возражений или опровержений не высказывает и подписывает данный протокол вместе со своим защитником. Формально такой протокол не попадает под действие ст. 75 УПК РФ, либо под ч. 3 или ч. 4 ст.80 УПК КР, устанавливающих правила о недопустимости доказательств. Могу с уверенностью сказать, что даже если очень постараться, то шансы исключить такой протокол как доказательство, полученное с нарушением закона, например в результате проведения следственного действия, не предусмотренного УПК РФ или УПК КР на практике, как правило, равны нулю.

С этой минуты (как только такой протокол будет оформлен и подписан участниками такой «очной ставки»), можно утверждать, что в уголовном деле имеется обвинительное доказательство.

Такой вывод подтверждается и практическими материалами по уголовным делам, в частности протоколами допроса обвиняемого «З», по уголовному делу №130003077, находившемуся в производстве СУ СК России по Свердловской области в 2014 году (архив Ленинского районного суда г. Екатеринбург). Протоколами очных ставок между потерпевшей «А» и обвиняемыми «К», «А», «М», по уголовному делу №122 423009, находившемуся в производстве СО УВД г. Екатеринбурга в 2016 году (архив Железнодорожного районного суда г.Екатеринбург). Протоколом очной ставки между свидетелем стороны обвинения «Ч» и обвиняемым «Б», по уголовному делу №4909829, находившемуся в производстве СУ СК России по Республике Башкортостан в 2018 году (архив Кировского районного суда г.Уфа). Протоколом очной ставки между потерпевшим «Б» и обвиняемой «А», по уголовному делу №150924004, находившемуся в производстве СО ОП №5 в 2019 году (архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбург).

Попытки дать в суде какие-либо пояснения по поводу содержания такого протокола со стороны подсудимого вряд ли повлияют на его доказательственную силу и на опровержение его содержания и, соответственно, на когнитивное восприятие прокурором и судом фактов и обстоятельств, изложенных в этом протоколе. Поэтому в большинстве случаев всё, что подсудимый будет говорить на суде по поводу содержания такого протокола, без очень убедительных доказательств будет восприниматься, как подготовленная версия защиты с целью уклониться от наказания, выработанная с учётом достаточного количества времени и ознакомления со всеми материалами уголовного дела в период окончания предварительного расследования.

Таким обвинительным доказательством прокурор, поддерживающий обвинение обязательно воспользуется в суде, обосновывая позицию стороны обвинения, заявив ходатайство об обзрении и оглашении данного протокола.

Вот такая цена того, что лицо воспользовалось правом, предоставленным ему ч.1 ст. 51 Конституции РФ на очной ставке, если событие происходит в России либо ч.5 ст.57 УПК КР, если событие будет происходить в Кыргызстане.

Наши рассуждения позволяют сделать ряд итоговых выводов:

– юридическая конструкция нормы ч.1 ст. 51 Конституции РФ и ч.5 ст. 57 Конституции КР не равнозначна юридической конструкции подп. «г» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Иных аналогичных норм международных акты не содержат, в связи с чем, есть все основания полагать, что норма ч.1 ст.51 Конституции РФ и норма ч.5 ст.57 Конституции КР – это феномен национального права государства Россия и государства Кыргызстан, имеющий существенное отличие в юридической конструкции от нормы подп. «г» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

– пользоваться в полной мере правом, предоставленным ч.1 ст. 51 Конституции РФ или ч.5 ст.57 Конституции КР, в случае если событие происходит в Кыргызстане, на очной ставке, по нашему мнению, является ошибкой, которая порождает обвинительное доказательство, что в итоге может привести к непоправимым последствиям;

– воспользоваться правом, предоставленным ч.1 ст. 51 Конституции РФ, или ч.5 ст.57 Конституции КР соответственно, можно только на первых допросах в качестве подозреваемого или обвиняемого, когда еще не ясна суть предъявленного обвинения или выдвинутого подозрения и, соответственно, не сформирована позиция защиты. Но после того, как будет четко определено, в чём конкретно обвиняется лицо и какое

преступление ему инкриминируется, следует незамедлительно принять решение о том пользоваться или нет правом, предоставленным ч. 1 ст. 51 Конституции РФ или, в случае если событие происходит в Кыргызстане, ч.5 ст.57 Конституции КР.

В любом случае надо понимать, что право, предоставленное ч. 1 ст. 51 Конституции РФ или ч.5 ст.57 Конституции КР, это не панацея от предъявленного обвинения – это всего лишь право не свидетельствовать против самого себя и своих близких. А доказательства стороны обвинения могут быть опровергнуты или ослаблены только сведениями, показаниями и фактическими данными, ставшими доказательствами стороны защиты, – другого способа нет.

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года (принята референдумом всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения 20.05.2022).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.05.2022).
3. Ключников А.Ю. Право не свидетельствовать против себя самого как стандарт международного правосудия // Администратор суда. 2018. N 3. С. 53 – 56.
4. Чернышев Д.Б. Охраняемый объект права на отказ от дачи показаний. // Российский юридический журнал. 2019. N 6. С. 51-60.
5. Всеобщая декларация прав человека ст. ст. 10 - 11 (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.05.2022).
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.05.2022).
7. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). // СПС Консультант Плюс (дата обращения 20.05.2022).
8. Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 г. по делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства (жалоба N 19187/91). Отдельное совпадающее мнение судьи Уолша. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Saunders_v_the_United_Kingdom_17_12_1996.pdf (дата обращения 20.05.2022).
9. Рудич В.В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях европейского суда по правам человека (статья). Международное уголовное право и международная юстиция. - 2017. - №5. - С. 9-12.
10. Рудич В.В. Международные стандарты допустимости доказательств, полученных под пытками и иным путем бесчеловеческого обращения с задержанными (арестованными) по уголовному делу (статья). Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2015. - Т.15. - №4. - С. 53-57.
11. Рудич В.В., Жилко И.А., Бахтеева Е.И. Эволюция исполнения наказания: исторический и философский аспекты.

ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ КЫРГЫЗСТАНА, № 4, 2022

- Журнал Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана № 10, 2021. - С. 74-77.
12. Костомаров Н. И. Русская история: В жизнеописаниях ее главнейших деятелей. - М.: Мысль, 1991.
 13. Скрынников Р. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. - Смоленск: Русич, 1997.
 14. Флетчер Д. О государстве русском // Накануне смуты. - М.: Молодая гвардия, 1990.
 15. Горсей Д. Сокращенный рассказ или мемориал путешествий // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. - Л., 1986.
 16. Крестьянские челобитные XVII в. Из собрания Государственного Исторического музея. - М.: Наука, 1994.
 17. Колчин М. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI - XIX вв.: Исторический очерк / С пред. А.С. Пругавина. - М., 1908.
 18. ЦГАДА Фонд Суздальского монастыря. Дело №1, 1841-1849 гг. «Об арестантах, находящихся в монастыре».
 19. Пругавин А. Монастырские тюрьмы против сектантов. - М., 1905.
 20. Греков Б.Д. Главнейшие этапы истории крепостного права в России. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.
 21. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. Научное издание. Издательство АН СССР, 1962.
 22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021). // СПС Консультант Плюс (дата обрац. 20.05.2022).
 23. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (Введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 г. №126) (В редакции Закона КР от 18 января 2022г. №4) <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обр. 20.05.2022).
 24. Желтобрюхов С.П. О необходимости конституционного закрепления права обвиняемого на допрос свидетельствующего против него лица. / Российская юстиция. 2020. - С. 50-51.
 25. Желтобрюхов С.П. Как выйти из процессуального кризиса «неполной», «половинчатой» очной ставки? Российская юстиция 2019. №1. - С. 37-40.
 26. Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку. Российская юстиция 2017. - №9 - С. 26-29.
 27. Желтобрюхов С.П. О необходимости введения нового следственного действия. Российская юстиц. 2016. №5. С. 31-33.
 28. Желтобрюхов С.П. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие. Российская юст. 2008. №1 С. 56-60.